
ИЗ АРХИВА ЛЕВОНА МКРТЧЯНА*
Письма Наума Гребнева Л. Мкртчяну

КАРИНЭ СААКЯНЦ

«Я думаю, что когда, прочитав стихотворение в переводе, говорят: “Как хорошо переведено!” – это не похвала переводчику. Когда прочтут переводное произведение и забудут, что оно было написано на другом языке, а воспримут его как стихотворение того языка, на котором оно прочитано, и скажут: “Какие хорошие стихи!” – вот истинная похвала переводчику! Даже если читатели и не подумают о нем и не обратят внимания на скромную подпись под переводом». Эти слова Наума Гребнева – фрагмент их диалога с Левоном Мкртчяном, опубликованного в еженедельнике «Литературная Россия» в мае 1967 года¹ и записанного вскоре после посещения Гребневым Армении. До этой поездки имя переводчика у любителей поэзии ассоциировалось с поэзией народов Северного Кавказа и Средней Азии. То, что переводу Наума Гребнева будет суждено прославить вершинное произведение средневековой Армении «Книгу скорбных песнопений» Григора Нарекаци, не предполагал никто. Даже инициатор русскоязычного издания «Книги...» и организатор всех трех существующих переводов Левон Мкртчян.

Их знакомство, перешедшее в процессе совместной работы в дружбу, сначала было заочным. На блестящие переводы Гребнева внимание Левона Мкртчяна обратила сегодня известный литературовед, автор ряда статей о переводах армянской поэзии и, в частности, переводах Наума Гребнева, Магда Джанполадян, которая в те далекие годы была студенткой Мкртчяна. И Левон Мкртчян, только-только приступавший к воплощению в жизнь своего смелого замысла переиздать существовавшие удачные переводы средневековых армянских авторов и организовать новые, обратился к Гребневу с письмом. С этого письма и завязалась их переписка.

В отличие от переписки с Марией Петровых, когда в архиве Мкртчяна сохранились не только ее письма, но и несколько вторых машинописных экземпляров его собственных писем, из переписки с Гребневым, за редчайшим исключением², сохранились только письма переводчика. По ним можно судить о содержании адресованных Гребневу писем Мкртчяна и составить представление о том, как он приобщался к армянской поэзии.

---

* О Л. М. Мкртчяне и его архиве см. в предыдущем выпуске серии (№1, 2015), с. 16, подстрочное примечание. См. также в № 1, 2015 и № 2, 2015 публикации К. Саакянц «Из архива Л. Мкртчяна. Письма к М. С. Петровых (1965-1975)» и «Мария Петровых – редактор русских изданий армянской поэзии».

¹ «Литературная Россия», 1967, 19 мая, № 21, с. 20.

² Письмо Л. Мкртчяна Н. Гребневу от 1 июня 1979 г. в рамках статьи «Из архива Левона Мкртчяна. Мария Петровых – редактор русских изданий армянской поэзии» опубликовано в журнале «Вестник Ереванского университета. Русская филология», 2015, № 2, с. 25.

Первое письмо датировано 30 мая 1966 года³. По нему нетрудно догадаться, что это ответ Л. Мкртчяну на его предложение перевести книгу армянского фольклора и что для этой работы Мкртчян приглашает Гребнева в Армению⁴.

«<30 мая 1966 г.>

Дорогой Левон.

Простите, что отвечаю с некоторым опозданием на Ваше письмо.

То, что пишете Вы – прекрасно. Если я действительно переведу книгу армянского фольклора, осуществится моя давняя мечта.

Конечно, для этого посмотреть Армению необходимо. Я рад, что Вы примете участие в работе над этой книгой и будете моим наставником и советчиком. Конечно, было бы идеально, чтобы все материалы или хотя бы значительная их часть была бы готова к моему приезду. Я думаю, что, если где-то осенью 66 года я начну работать, то в начале 67 года книга будет готова. Если издательство заключит со мной договор, будет тоже неплохо, чтобы наши толки обрели реальность. Вообще работы и обязательств у меня довольно много. Заключение договора поможет мне установить порядок и очередность моих дел. Впрочем, это дело не главное. Главное, чтобы книга получилась хорошая. Посоветуйте, что мне пока читать, чтобы как-то приобщиться к тому, что, может быть, мне будет суждено сделать.

Жду вестей и по-дружески обнимаю Вас. Н. Гребнев».

Готовность Гребнева приступить к работе сподвигла Левона Мкртчяна отправить ему подстрочные переводы, и уже через три недели Гребнев, заинтригованный подстрочниками и сразу же, не дожидаясь осени, приступивший к работе, пишет:

«<24 июня 1966>

Дорогой Левон!

Я получил Ваше письмо. Простите, что написал Вам по старому адресу, недооценил нашу действительность, которая предоставила Вам новую квартиру. Теперь буду знать. Стихи, которые прислали Вы, прекрасны. Я молю (не знаю, кого молят в таких ситуациях), чтобы меня озарило вдохновение, в какой-то, пусть даже очень в малой мере соразмерное вдохновению, озарявшему когда-то создателей этих песен. Конечно, если мне удастся осенью приехать в Эриван, это будет прекрасно. Я только что вернулся из Австрии. Это изумительная по красоте страна, хотя я уверен, что у нас есть сотни мест не хуже, а если бы обеспечить соответствующий сервис туристам, то, кто знает, может быть, мир рвался бы в Армению или Кабарду так же, как сейчас он наводняет Австрию.

---

³ Гребнев очень редко датировал свои письма. В подавляющем большинстве случаев дата установлена по штемпелю на конверте и взята в скобки. (Я руководствовалась московским штемпелем и в редких случаях, когда ереванский штемпель прочитывался легче, – ереванским.) Среди писем немало и без конвертов. В таких случаях вычислить примерную дату помогало содержание письма.

⁴ Мкртчян считал важным приобщение переводчика к истории и культуре народа, поэзию которого он переводит, и потому всех русских переводчиков, приступавших к работе над армянской поэзией, он обязательно приглашал в Армению.

Получил я письмо и от Микаэляна⁵. Передайте ему, пожалуйста, привет и скажите, что я рад начать нашу совместную работу. Как, по-вашему, должна быть составлена книга? Войдут ли в нее обрядовые, трудовые и воинские песни? Войдут ли стихи средневековых поэтов типа Нарикаци (простите, я, кажется, неправильно написал имя)? Включили ли в книгу пословицы? Я буду рад, если Вы поделитесь своими соображениями. Хотя, конечно, окончательно мы все решим, когда будет готова значительная часть материала. Должно ли быть предисловие к книге? И если да, то согласитесь ли Вы написать его? Вопросов у меня множество. Так бывает всегда: чем меньше знаешь, тем больше вопросов. Приветствую Вас. Н. Гребнев».

За промежутков времени между этим письмом и следующим, написанным в конце января 1967 года (то есть за полгода), Гребнев успел перевести все стихи, подстрочники которых он получил от Мкртчяна, и переслать свои переводы ему, а тот соответственно отредактировать их. Однако, судя по письму, отправленному Мкртчяну в начале февраля, Гребнев получил от Мкртчяна подстрочники не только планируемого сборника армянского фольклора, но и айренов Наапета Кучака. И, восхищенный ими, занялся их переводом в первую очередь. В результате в январе 1968 года с предисловием Левона Мкртчяна («Русский Кучак») в набор была сдана книга «Наапет Кучак. Айрены». В переводах Наума Гребнева», и летом того же года она увидела свет. Сборник же армянского фольклора в том же издательстве «Айастан» вышел в свет только через полтора года, в 1970 году. Обе книги оформлены женой Гребнева, художником-оформителем Ноэми (Мимой) Гребневой. По трем следующим письмам, кроме прочего, можно еще и составить представление, о том, как «созревало» название книги:

«<1 февраля 1967 г.>

Дорогой мой друг Левон!

Я только что приехал из Малеевки и нашел кучу Ваших чудесных писем. Первое, что я сделаю, – это постараюсь исправить мои переводы, учтя Ваши замечания. После этих исправлений я pošлю книгу в издательство. Я думаю, что когда у из-ва, вернее, у редактора сложится о ней мнение, будет иметь смысл мой приезд. К тому времени, наверное, и Вы кончите предисловие, и книгу нашу с Богом можно будет отправить в путь.

Простите, что я такой деловой человек. Если к моему приезду или до него будет еще какой-либо материал, я докончу.

Было бы хорошо, чтобы пока был согласован вопрос о формате книги и характере оформления, чтоб моя жена могла б сделать предварительные эскизы.

К сожалению, печатать в периодике старинный фольклор очень трудно, почти невозможно (у меня есть опыт). Толстые журналы не хотят, тонкие и

---

⁵ Нансен Микаэлян (1931–1999), поэт, совместно с которым Л. Мкртчян в тот период работал над подстрочными переводами. В дальнейшем подстрочники средневековых лириков он выполнял совместно с литературоведом, специалистом по армянской литературе средневековья Аршаком Мадояном.

подавно. Тем более в год юбилея⁶. Но все же что-нибудь попробуем, присылайте небольшую статейку⁷.

В Малеевке я переведил Кайсына⁸. Получается новая книга его, называется она “Кизилый отсвет”. В “Юности” №1, “Знамени”, №1, в “Новом мире” №11 – стихи из этой книги. Да, что касается заглавия нашей книги. Я никак придумать не могу ничего лучшего, кроме “Песни средневековой Армении”. А. М. Пистунова⁹ благодарит за добрые слова о ней, которые я только что прочел ей по телефону, и передает Вам привет, сопровождаемый не менее добрыми словами.

Еще раз спасибо – передайте всем привет. Н. Гребнев».

«<8 марта 1967 г.>

Дорогой Левон!

<...> Название “Прапесня” мне очень нравится, нашей общей подруге А. М. Пистуновой – тоже. “Прапесня” звучит хуже, чем “Прябблоко”, но по смыслу точнее. Недавно приезжал к нам заграничный ансамбль старинной музыки “Прамюзик”. Давайте остановимся на “Прапесня”, боюсь, что лучшего не придумаем.

Дела мои странны. Много книг должны были выйти, да не выходят по каким-то техническим причинам.

В Ереван мне бы хотелось приехать в конце марта. Если меня не раздумали пригласить, я приеду. Получил из “Лит. Армении” стихи О. Шираза. Просят перевести. Стихи мне нравятся, но для меня братья за нового поэта – это очень серьезно. Это как замужество. И хотя я уже не невинна, но я к браку отношусь серьезно. И если уж кого-то переводить, то делать это надо долго – может быть, всю жизнь. Поэтому пока я наверное переводить эти стихи не буду. Если Вас не затруднит, передайте все эти соображения тов. Баласану¹⁰.

Пошлет ли мне изд-во какую-нибудь бумагу с замечаниями или одобрением? Хорошо бы к моему приезду у редактора было бы мнение, и я на месте сделал бы исправления, если это потребуется. Привет Вам от моей жены и от Александры Михайловны. Она, кажется, тоже собирается в Ереван в конце марта. Поздравьте Ваших женщин с 8 марта. Наум».

«<21 марта 1967 г.>

Дорогой Левон!

Я недели 2-3 тому назад послал Вам письмо. Ответа не получил, и это меня беспокоит. Дошло ли до Вас письмо?

---

⁶ 1967 – год 50-летней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

⁷ Как видно, Л. Мкртчян просил Гребнева опубликовать в московских изданиях свое слово и какие-то выдержки из готовившегося к изданию сборника «Прапесня» и тем самым проанонсировать его.

⁸ Известный советский поэт, классик балкарской поэзии Кайсын Кулиев (1917–1985). Друг Наума Гребнева (а затем и Левона Мкртчяна).

⁹ Завотделом еженедельника «Литературная Россия» искусствовед Александра Михайловна Пистунова. Ее любовь к Армении и к армянским художникам нашла отражение в ряде посвященных им ярких очерков.

¹⁰ Баласан Вруйр (Юрий) (1914–2000), поэт, переводчик армянской поэзии и прозы. В эти годы заведовал отделом художественной литературы журнала «Литературная Армения».

Я писал, что в конце марта хотел бы приехать в Ереван. Конец марта – начало апреля – это единственное вероятное время, когда я смогу приехать. Пожалуйста, сообщите, возможен и желателен ли мой приезд. Если по каким-либо причинам из этого ничего не получится, думаю, что тоже не так уж будет страшно, хоть и жалко.

“Прапесня” – название, по-моему, хорошее. Давайте остановимся на нем.

Привет от А. М. Пистуновой. Она тоже собирается в это время в Ереван.

Получил письмо от А. Варжапетян.

Привет, жду ответа. Н. Гребнев».

Гребнев дождался не только ответа на свое письмо, но, как и просил, приглашения на начало апреля. Зная Левона Мкртчяна, можно не сомневаться, что задержка ответа на письмо от 8 марта была вызвана тем, что на высказанное переводчиком пожелание приехать в Армению Мкртчян мог ответить только конкретным сообщением о точной дате приезда и четком графике пребывания в Ереване, причем пребывания максимально плодотворного. А чтобы это обеспечить, требовалось время.

В дневнике Левона Мкртчяна 1967 года сохранились записи, в которых в какой-то мере отражено содержание и характер их общения с Гребневым в Ереване:

«2 апреля 1967 г.

Сегодня с женой приехал Гребнев.

Говорили об “оптимистах”, вспомнили тост о Льве Ошанине (“Дорогой Ошанин, ты самый крупный оптимист. Знаешь Байрона? Был он лордом, имел красивую жену, красивых любовниц, был гениальным поэтом, но был пессимистом. А ты, дорогой Ошанин, оптимист”).

Гребнев:

– Когда человеку хорошо, он уже не пишет.

— —

Я сказал, что пишу выступление: “Перевод и авторская индивидуальность переводчика”, что мне трудно проследить авторскую индивидуальность тех переводчиков поэзии, которые не пишут собственных стихов. Если есть собственные стихи, есть что сравнивать.

Гребнев:

– Почему? Можно и в таких случаях, я не говорю о себе, проследить индивидуальность переводчика, сравнив разные переводы из разных авторов. Переводчика можно всегда узнать.

— —

Гребнев:

– Плохо переведен Рильке. Вот Пастернак перевел хорошо.

Затем просит, чтобы жена прочла стихотворение Рильке о Христе и Магдалине. Жена прочла на немецком, читала чудно и перевела, разумеется, подстрочно.

Гребнев:

– Хорошее стихотворение всегда получается и в подстрочнике.

— —

Много и восторженно говорил Гребнев о Чуковском:

– Нет такого дня, чтобы он не сделал доброго дела. Вот кому надо бы присвоить звание Героя социалистического труда.

– –

Высоко говорил о Петровых:

– Она себя растрчивает. Ей дали на рецензию мои переводы. Она указала все неудавшиеся места, предложила свои варианты. Сидела дней десять над этим, а надо было работать часа два.

– –

4 апреля 1967 г.

– Как вы передаете национальную специфику?

– Я стараюсь, чтобы стихи, скажем, таджикские, не были похожи на аварские. Но как это делаю, не могу сказать.

– –

– Армения мне очень нравится, я хочу переводить еще. Давайте сделаем сборник народных песен и еще сделаем Нарекаци. Попробуем передать его свободный стих.

6 апреля 1967 г.

Гребнев:

– Ко мне здесь все обращаются по-армянски. Я вполне мог бы сойти за глухонемого армянина.

– –

Гребнев получил гонорар, а я – зарплату, и мы спорили, кто из нас богаче. Гребнев рассказал:

– Есть прекрасная притча: портной спрашивает у своего друга: “Как ты думаешь, кто самый богатый человек на свете?”

– Царь!

– Если бы я был царем, – отвечает портной, – я был бы еще богаче.

– Почему?

– Я бы еще в свободное время шил.

– –

Были у художника Геворка Григоряна. Очень понравилось Гребневу и жене Ноэми. Гребнев говорил, что Григорян ему больше понравился, чем другие художники:

– Я полюбил Армению, и если бы не видел Джотто¹¹, то мое представление об Армении было бы неполным или неправильным”.

7-14 апреля 1967 г.

– Я считаю, – говорит Гребнев, – что подстрочник – проверка стихотворения. Ритм, рифма как-то скрашивают плохой стих, но когда делаешь подстрочник, сразу видать, как все это беспомощно. Подстрочник – это обнажение.

– –

13 апреля были у Эдуарда Топчяна. Топчян принял Гребнева очень горячо и сказал, что, если Гребнев будет переводить армян, у нас появится

---

¹¹ Многие из своих работ Геворк Григорян подписывал псевдонимом «Джотто».

еще один Брюсов. Топчян очень хотел, чтобы Гребнев перевел Нарекаци и народные песни.

— —

Гребнев говорил, что он стесняется своей книги стихов. Но очень любит свои переводы. Он считает, что если в нем есть что-то, так это талант переводчика.

— —

Много говорил о Нарекаци: «Я его переведу, если найду форму. Свободного стиха на русском в общем-то нет. Надо найти форму для Нарекаци. А такой скорбный стих я очень люблю. Если найду форму, то быстро переведу»».

Приезд Гребнева в Армению способствовал зарождению дружбы между ним и Мкртчяном. Сразу после возвращения из Армении меняется тональность писем, на смену официальному «вы» приходит дружеское «ты». Что касается армянской поэзии, то, побывав в Армении, прикоснувшись к истокам ее культуры, Гребнев в опубликованном в «Литературной России» и уже упоминавшемся диалоге с Левоном Мкртчяном говорит: «...Армянскую поэзию переводили многие талантливые и достойные поэты. Однако, когда подумаешь о том, что переведено, скажем, из грузинской или таджикской поэзии, становится понятно, что армянская классическая и народная поэзия русскому читателю известна гораздо менее.

Я думаю, что многие великие страницы армянской поэзии ждут своего открывателя. Конечно, очень странно, что «Книга скорби» Нарекаци до сих пор еще не переведена на русский язык. А между тем, переведенная на французский язык, она была принята во Франции очень горячо». И дальше, в ответ на вопрос Мкртчяна о ближайших планах¹² Гребнев продолжает: «Армению и армянскую поэзию я полюбил, как мне кажется, навсегда. Трудно сейчас загадывать, но, если у меня будут силы, я буду переводить стихи армян до конца своих дней. Первое, что мне хочется сделать, – это перевести лирический фольклор и избранные главы из «Книги скорби» Нарекаци. Получится ли у меня это – не знаю. Ни один литератор не знает, как получится работа, которую он еще не сделал. Да и получилась ли хорошо работа, которая уже им сделана, он, как правило, тоже не знает».

Конечно, Гребнев неслучайно заговорил об избранных главах из «Книги скорби». Именно тогда, в середине 60-х, Левон Мкртчян загорелся идеей издать «Книгу...» на русском языке¹³. К приезду Гребнева в Армению реализация этой идеи успела приобрести явственные очертания: совместно с Вазгеном Геворкяном¹⁴ Мкртчян подготовил подстрочники нескольких глав и разо-

---

¹² Левон Мкртчян: «Мне бы очень хотелось, чтобы вы продолжили вашу работу над переводами с армянского, хотелось бы узнать о ваших планах. Работа, удачно начатая, должна быть продолжена».

¹³ Подробно об этом см.: **Магда Джанполадян**. Левон Мкртчян – «открыватель» «русского» Нарекаци // «Пусть не гаснет свет в окне Левона». Ер., 2004, с. 281-293 (также в кн.: Григор Нарекаци и духовная культура средневековья. «Книга скорбных песнопений», подстрочные переводы М. Дарбинян и Л. Ханларян. М., 2010, с. 271-280).

¹⁴ Геворкян В. А. (1923–2002) – литературовед, переводчик, за перевод на современный армянский язык «Книги скорбных песнопений» Нарекаци в 1980 г. удостоен премии

слал тем из русских поэтов-переводчиков, кто, по его мнению, мог бы пересоздать «Книгу скорби» на русском языке. Наум Гребнев был одним из них. После посещения Армении тема Нарекаци в письмах Гребнева стала возникать все чаще. Возникла она уже в первом же после возвращения в Москву письме:

«<18 апреля 1967 г.>

Дорогой Левон!

Только что получил твоё письмо. Поздравляю с крупной победой демократических сил! Наряду с победой левых сил во Франции, а также с избранием мэром города Токио прогрессивного деятеля, Ваша победа является значительным вкладом.

Еще раз спасибо тебе, миленький, за любовь и заботу, которые сделали наше пребывание в прекрасной стране прекрасным. Дома у нас все по-прежнему. <...> Я хочу поехать в “Переделкино” поработать. Надо кончить две книги: Кайсына и афганского фольклора.

Был в “восточном из-ве”. Закинул удочку об издании книги средневековой арм. поэзии, куда бы вошли айрены, Нарекаци и др. поэты средневековья. Можно ли назвать тебя в качестве составителя, автора предисловия и подстрочников? Пока особенно не говори об этом, потому что еще ничего неизвестно, а если узнают, то это будет поводом невключения в ваши планы книги Нарекаци¹⁵. Но заявку я все-таки подал. Если запланируют такую книгу на 69 или 70 год, будет здорово. Дожить бы!

Армению мы с Мимой вспоминаем, как сказку. Как все наши друзья? Передай Ваагну¹⁶, что я встретил Корнилова¹⁷, и тот мне сказал, что книгу переводить уже кончает¹⁸ и напишет Ваагну письмо. Как жена Вигена¹⁹? Как Леня Гурунц? Передай всем привет! Привет изумительному Сагателу²⁰, Ире²¹ и прочим милым дамам. Я всех очень полюбил. С людьми, как с книгами. Есть книги, о существовании которых не подозреваешь. Но вот прочтешь и становится ясно, что без них ты уже жить не можешь.

Целую тебя и всех. Н. Гребнев».

им. Ст. Зорьяна.

¹⁵ Книга, о которой идет речь, вышла в свет в 1969 году. Это была маленькая книжка в мягкой обложке, куда вошли переведенные Гребневым 6 глав из «Книги скорби» и 3 песни (тага). См. об этом: **Джанполадян М.** Книжка-открытие // «Голос Армении», 2014, 9 сентября.

¹⁶ Ваагн Давтян (1922–1996) – поэт, драматург, переводчик, публицист. Заслуженный деятель культуры, лауреат Государственной премии Армении.

¹⁷ Владимир Корнилов (1928–2002) – поэт, прозаик, переводчик, критик. Переводил произведения армянских поэтов.

¹⁸ Книга, о которой В. Корнилов сказал Гребневу, вышла в свет в издательстве «Советский писатель» (**Давтян В.** Летний зной. Стихи. Перевод Вл. Корнилова. М., 1968).

¹⁹ Виген Хечумян (1916–1975), писатель, знаток древней и средневековой армянской культуры, автор подстрочных переводов, по которым Гребнев работал над айренами Кучака и фольклором. В 1975 году Л. Мкртчян со своим предисловием и примечаниями издал двуязычный сборник «Сто и один айрен», куда вошли оригиналы на среднеармянском языке, переводы (в том числе Наума Гребнева) и подстрочные переводы, выполненные Л. Мкртчяном.

²⁰ Сагател Арутюнян (1921–2005), поэт, прозаик, драматург, переводчик. Заслуженный деятель культуры Армении.

²¹ Ирина Карумян, издательский редактор сборника «Наапет Кучак. Айрены».

В 1972 году в Ленинграде в Большой серии «Библиотеки поэта» с предисловием Левона Мкртчяна («От “Рождения Ваагна” до Саят-Новы») вышел в свет составленный им антологический сборник «Армянская средневековая лирика». Большинство вошедших в сборник переводов было выполнено Наумом Гребневым. Первые упоминания о будущей антологии в письмах Гребнева начинают появляться с 1967 года, спустя короткое время после того, как переводчик приступил к работе над айренами Кучака и армянским фольклором. (А по возвращении из Армении – и над отрывками из «Книги скорби» Нарекаци). Вначале о сборнике говорится как о желательном проекте, в дальнейшем начинается обсуждение связанных с ним каких-то конкретных вопросов.

«<16 июля 1967>

Дорогой Левон.

Я был в Малеевке, а теперь в Риге. И не успел ответить, получив твое письмо.

Написал ли ты в Ленинград? Получил ли ответ? Я освобождаюсь от своих обязанностей, чтобы к осени начать. Вообще-то надо уже приступить к делу. Что творится в Ереване? “Спустили” ли “Прапесню”? Включили ли в план Нарекаци? В. Лившиц передал мне от тебя привет. Мима очень гордится письмом, которое ты написал ей, и украдкой перечитывает его. Новостей особо никаких. Я рад нашей популярности в гор. Борисоглебске²². Мечтаю прославить себя также в Вышнем Волочке и Канотопе. Передай привет всем милым моему сердцу армянам. Буду здесь до 5. VIII. Н. Гребнев».

Судя по вопросу Гребнева, уже к июлю 1967 года рукопись «Прапесни» была сдана в издательство, однако к моменту написания этого письма она не только не была, выражаясь словами Гребнева, «спущена» в производство, но даже не была включена в издательский план 1968 года²³. Об этом свидетельствует следующее письмо Гребнева, в котором, кстати, наряду со средневековой поэзией «появляется» еще и Ованес Туманян.

«<28 сентября 1967>

Дорогой Левончик.

Спасибо за письмо. <...> Начал переводить Туманяна. Идет довольно туго, хотя четверостишия мне очень нравятся. Говорили, что их 65, но у меня только 44. Узнай, это так надо, или что-то потерялось.

---

²² В июне 1967 года Л. Мкртчян выступал на научной конференции в Борисоглебске (Воронежская область). Его доклад, посвященный авторской индивидуальности переводчика, был отмечен в местной прессе. В отчете о конференции, опубликованном 30 июня в воронежской газете «Коммуна», журналисты В. Свительский и В. Скобелев сообщали: «Доклад Л. М. Мкртчяна (Ереван) содержал ряд интересных соображений о переводчике как об авторской индивидуальности». По всей видимости, в своем докладе Мкртчян ссылался на авторскую индивидуальность Гребнева и его подход к переводимому оригиналу, о чем после конференции он и сообщил переводчику.

²³ Книга была включена в план 1969 года и, соответственно, сдана в набор в августе 1969 года, и только в январе 1970 года ее отправили в производство.

У вас – я знаю – сейчас юбилей. Там будет Кайсын. Он тебя найдет. Полюби его – он хороший.

Планов своих я не знаю. Хотелось бы приехать с Мимой к вам. Включат ли Нарекаци и фольклор в издательский план?

Целую тебя. Не забывай. Передай привет всем хорошим армянам и не армянам. Наум».

Как и в случае со средневековыми авторами, Туманяном Гребнева «заразил» Мкртчян²⁴. К этим переводам Гребнев приступил вскоре после того, как начал переводить поэзию средневековья.

К столетнему юбилею поэта (1969 г.) в свет было выпущено несколько изданий. И ко всем ним Наум Гребнев имеет самое непосредственное отношение: в его переводе и с послесловием Л. Мкртчяна в 1968 году увидела свет маленькая книжка «Ованес Туманян. Четверостишия», спустя несколько месяцев в том же издательстве «Айастан» с предисловием Корнея Чуковского вышел в свет небольшой сборник баллад (в сборнике они представлены как «сказки». – К. С.) Ованеса Туманяна «Пес и кот», куда наряду с двумя переводами С. Маршака («Пес и кот», «Капля меда») вошла и «Смерть мышонка» в переводе Гребнева. В том же 1969-м, «туманяновском», году был издан составленный Леоном Мкртчяном совместно с Леоном Ахвердяном²⁵ трехтомник великого поэта, куда, помимо четверостиший и «Смерти мышонка», вошли еще несколько переводов Гребнева.

Уже говорилось о том, что Гребнев был не единственным переводчиком, кому Мкртчян отослал подстрочники «Книги скорби» (а может, и отдал их во время пребывания Гребнева в Ереване). Будучи в курсе литературного процесса огромной страны и имея определенное представление о творческих возможностях тех или иных переводчиков, Мкртчян с предложением перевести отдельные главы поэмы обратился и к замечательному русскому поэту Александру Межирову²⁶. Гребнев, разумеется, был в курсе. В марте 1968 года он пишет:

«<11 марта 1968 г.>

Дорогой Левон.

Только что получил твое письмо.

Межиров²⁷ переводит прекрасно, и я уверен, что Нарекаци он сделает

---

²⁴ Очевидно, что Мкртчяна и Гребнева должно было объединять многое (иначе они не стали бы друзьями), но по прочтении писем Гребнева понимаешь, что одним из главных, присущих им обоим качеств, обеспечивающим взаимопонимание и результативность, была редкая работоспособность.

²⁵ Левон Ахвердян (1924–2003), литературовед (в частности, туманяновед), театровед, заслуженный деятель культуры Армении, лауреат Государственной премии Армении, академик НАН РА.

²⁶ С Межировым и Гребневым Мкртчян связывал самые большие надежды и, остановив свой выбор на них, для работы над переводом представил им подстрочники, выполненные сотрудницей Матенадарана, переводчиком древнеармянских текстов М. О. Дарбинян.

²⁷ Межиров так и не перевел «Книгу скорби» и после долгих и мучительных попыток сделать это написал стихотворение:

Намеревался жизнь дожить для виду,

Сосать чужой поэзии сосцы –

хорошо. Жаль, что нам параллельно придется делать какую-то часть.

С Дарбинян²⁸ я встретился, очень она симпатичная женщина, и я думаю, что она сделает все, как надо.

После всех этих историй у меня все-таки страх перед работой на благо арм. поэзии²⁹. Я, в отличие от тебя, не борец, я бесконфликтен. Всякая возможность оказаться в центре или даже быть рядовым участником какого-либо спора, склоки, конфликта страшит меня больше любой предстоящей работы. Я тебе говорил уже обо всем этом. И твои возражения не сняли моего страха. Я бы отступил, но, кажется, уже некуда, кроме, долговой ямы. Ну ладно, попробуем.

Каковы твои планы? Ты ведь хотел в Москву.

Вчера была телевизионная передача об антологии Брюсова. Говорили восторженные слова и читали посредственные переводы.

Целую тебя. Хочу в Ереван! Но тогда, когда что-то (хотя бы фольклор) будет у меня готов. Целую Н. Гребнев».

В работу над переводами для «Средневековой армянской лирики», в которой Мкртчян планировал полнее представить «Книгу скорбных песнопений», Гребнев, что называется, погрузился с головой. В последующих письмах тема будущей антологии стала звучать чаще :

«<14 июня 1968 г.>

Дорогой Левончик!

И послужить армянскому Давиду,
Слагателю псалмов – Нарекаци.

Намеренье мое – дитя гордыни, –
За то, что возомнил, сполна плачу
Аз ныне,
Постигающий в унынье,
Что мне Нарекаци – не по плечу.

²⁸ С Маргаритой Дарбинян Л. Мкртчян продолжил сотрудничество и после выхода в свет маленькой книжки 1969 года. А в 1988 году в переводе М. Дарбинян и Л. Ханларян и с предисловием С. Аверинцева был издан полный подстрочный перевод всех 95 глав «Книги...» (М., серия «Памятники письменности востока», т. LXXVII).

²⁹ В Армении переводы Гребнева вызвали неоднозначную реакцию еще до того, как они увидели свет. В отличие от нынешних правил, когда любой обладатель сколько-нибудь серьезной суммы денег, обнаружив в себе незаурядный талант поэта или прозаика, может издавать свои «произведения» даже в очень солидных издательствах, в СССР рукопись, поступившая в издательство, могла быть сдана в производство только при наличии авторитетных рекомендаций. А армянские рецензенты, получившие рукопись гребневских переводов, неодобрительно отнеслись к тому, что Гребнев «неточен», что он отходит от «буквы» оригинала. Сам переводчик все в том же, опубликованном в «Литературной России» диалоге с Леоном Мкртчяном, говорит: «Первый и неперменный критерий верности в том, насколько органично входит перевод в литературный язык, на который он сделан. Мы должны исходить прежде всего из этого. Иначе разговоры о точности будут лишены смысла. Кстати сказать, перевод, точно соответствующий слову подлинника, расстановке слов и их количеству, сделать нетрудно. Накладывая перевод на подлинник, критики не обнаружат никаких заметных отклонений. Но зато и читатель не обнаружит признаков поэзии. Не надо, конечно, переводить вольно, но никто не станет читать плохую поэзию, утешая себя тем, что это очень точно. Если перевод вне поэзии, точность его или неточность не имеют значения».

Ты промелькнул проездом за рубеж и не показался. А я очень тебя жаждал. Подстрочники Нарекаци и др. я получил. Сейчас напишу письмо в Ленинград и успокою Дарбинян. Пусть она делает все побыстрее, а то мы ничего не успеем. Не смотрел ли ты песен Вигена (Хечумяна. – **К. С.**) и др. фольклорных материалов?

Я звонил Ире (Карумян. – **К. С.**), она сказала, что Кучак подписан в печать. Капни В. Мкртчяну³⁰, чтоб он ускорил. С Туманяном в Гослите³¹ получилась небольшая неувязка, но я думаю, что это пустяки. Как ты съездил? Что нового в Ереване? Привет всем хорошим людям. Н. Гребнев».

<5 октября 1968 г.>

Дорогой Левон!

Дела складываются так: я перевел уже 2700 строк. “Шаракан” я пока не достал. Из этих 2700 строк 200 у тебя есть. 700 строк, которые перевел в Переделкино, только что отпечатали – могу тебе через некоторое время послать. Был сегодня в Сов<етском> пис<ател>е. Редактировали с Регистаном новую книгу К. Кулиева. В Совписе сегодня случилось следующее. Встретил В. Н. Орлова³², который с пристрастием расспрашивал меня о нашей книжке по его ведомству. Я ему все рассказал, и он остался удовлетворен. Более всего его удивило, что я не собираюсь просить отсрочки и <намерен> сдать работу к сроку. Давай удивим его и действительно окончим все к 1 декабря.

Но это не все, что случилось со мной сегодня в С.П. Между прочим, Регистан сказал, что надо перевести для книжки стихи Амо Сагияна³³. Часть книги уже сделана. Он сказал это робко, зная, что я кусочки книги не перевожу. Помня твои добрые слова об Амо, я все же взял подстрочники из любопытства. Стихи прекрасны. Давно я не читал ничего современного, что бы мне так понравилось.

Вот и хочу я высказать тебе свои сомнения на этот счет. Для меня, ты знаешь, взять переводить – почти что жениться: серьезно и на всю жизнь. И вот перед тем как вступить в этот брак, меня одолевают следующие сомнения: 1) Согласна ли на этот брак невеста? 2) Сложатся ли вообще мои отношения с Арменией после всего, что я натворю с классиками? 3) Каков человек Амо? Как он отнесется к моим переводам, которые будут не всегда буквальны? Переводить рабски точно мне не интересно, да и никогда не получается хорошо. 4) Вступая в этот альянс, не окажусь ли я в центре какой-либо интриги, вроде кучаковской, усиленной тем обстоятельством, что автор жив-здоров?

Есть еще много сомнений и страхов, какие всегда бывают у человека, решающегося на серьезный шаг. Напиши мне свои соображения на этот счет.

---

³⁰ Ваагн Мкртчян, в те годы директор издательства «Айастан».

³¹ Имеется в виду юбилейное издание сборника избранных произведений Туманяна, увидевшее свет в 1969 г. в издательстве «Художественная литература» (до 1963 г. «Гослитиздат»), Гребнев по старой памяти употребляет сокращенное «Гослит<издат>».

³² Владимир Орлов, главный редактор «Библиотеки поэта».

³³ Амо Сагиян (1915–1993), выдающийся армянский поэт. Речь идет о книге «Амо Сагиян. Перед закатом». Книга, в которую были включены и переводы Гребнева, увидела свет в 1969 г. в Москве, в издательстве «Советский писатель».

Пожалуйста, дай четкие директивы Марг. Овн.³⁴ и сам делай свою часть книги, чтобы к 1 декабря мы могли бы положить на стол потрясенных ленинградцев нашу книгу.

Как твои? Предисловие к Туманяну К. И.³⁵ пока не писал, но напишет (обещает). Клара³⁶ потихоньку капает.

Марию Сергеевну (Петровых. – **К. С.**) я позавчера привез из Переделкино.

Г. Регистан сегодня, редактируя книгу К. Кулиева, потратил на это три часа (мы сидели вместе, и до этого он ее не читал). Бедная Мария Сергеевна тратит на такую же работу несколько месяцев.

Целую тебя. Подружился в Переделкине с Инной Лиснянской. Поэт она прекрасный, человек тоже высокого качества. Ну ладно, заболтался. Ответь! Н. Гребнев».

«21 X 68

Дорогой Левон!

Что-то ты не отвечаешь мне. Вчера мне исполнилось 47 лет, а завтра утром я уезжаю в Душанбе недели на две. Мечтаю, чтоб к моему возвращению были бы уже армянские материалы. Надо кончать с этим делом.

Умоляю прислать Кучака³⁷! До сих пор я не получил ни одного экземпляра!

Напиши мне. Если что-нибудь срочное, то – Душанбе, Союз писателей.

Корней Иванович обещает.

Напиши, ругают ли меня за Кучака. Целую тебя. Н. Гребнев».

«19 декабря 1968 г.

Дорогой Левон,

Посылаю тебе мой труд: целиком первый экземпляр и остатки (кроме посланного ранее) второго.

Получилось у меня 3700 строк. Прошу тебя ознакомиться и написать мне свое мнение, а также замечания. Надо сверить написание всех имен. В разных источниках они иногда пишутся по-разному.

Если второй экземпляр будешь посылать на рецензию или куда-нибудь отдавать, не забудь сверить ту часть, которую я дал тебе ранее с первым экземпляром.

Я написал письмо в Ленинград, сообщил об окончании моей работы и попросил еще раз денег для М. О. Дарбинян.

Стацинский³⁸ сделал макет, как только вы дадите ему команду, что этот макет одобрен, он приступит к делу. Работает он быстро и хорошо.

---

³⁴ В сборник «Средневековая армянская лирика» было включено еще 11 глав из «Книги скорбных песнопений». По всей видимости, Гребнев в этой связи просил Мкртчяна «дать директивы» работавшей над подстрочниками М. Дарбинян.

³⁵ Корней Иванович Чуковский. Речь о сказках Туманяна (Ер., 1969).

³⁶ К. И. Лозовская, многолетний литературный секретарь Корнея Чуковского.

³⁷ Имеются в виду сигнальные экземпляры сборника «Наапет Кучак. Айрены», который увидел свет в конце лета 1968 г.

³⁸ Речь идет о макете неоднократно упоминавшейся книги «Ованес Туманян. Сказки». Книга вышла в свет в изысканном оформлении художника Виталия Стацкого.

Относительно фольклора. Пожалуйста, отбери и дай делать подстрочники. Что касается денег за них, то это ведь уже будет платить не Ленинград, а вы.

Я смогу приехать где-нибудь в марте и закончить книгу.

Посылаю тебе экземпляр рецензии Нафи Джусойты³⁹ на Кучака, она должна быть напечатана в «Дружбе народов» №1. Думаю, что ее можно опубликовать в Ереване на армянском языке, а может, и на русском, смотри, как лучше.

Спасибо тебе за вырезки из газет.

Я знаю, что Наири Зарян⁴⁰ клянет меня на каждом углу. Меня это огорчает. По-моему, Кучак действительно получился неплохо. Все, кому я дал книгу, говорят об этом.

Да, Мария Сергеевна говорит, что у нее нет экземпляров моих переводов Туманяна: где же они? Неужели ты увез все?

<№>11 Вопросы литературы⁴¹ видел – ты молодец.

Вопрос рецензии меня беспокоит. Договорился ли ты с Арутюновым⁴²? И умный, знающий ли он человек? Я постараюсь навести справки.

Целую тебя. Подтверди получение рукописи. Это меня беспокоит. Н. Гребнев»

Итак, к концу 1968 года Гребнев закончил работу над переводом своей части средневековой поэзии ленинградского сборника и продолжил работу над «Книгой скорбных песнопений». Переводил он по мере того, как получал новые подстрочники.

И уже во всех последующих письмах он возвращается к Нарекаци. В октябре 1969 года он пишет:

«<13 октября 1969 г.>

Дорогой Левон!

<...> Я перевожу две главы Нарекаци, присланные мне, и снова получаю удовольствие. Я понял, что с Нарекаци я уже породнился и, наверное, не успокоюсь, пока не переведу его целиком. Если для этого есть какие-нибудь возможности, я готов приехать в Ереван, договориться с тем, кто будет делать

---

³⁹ Нафи Джусойты, патриарх осетинской литературы. Рецензия, о которой говорит Гребнев («Свет через века»), была опубликована в журнале «Дружба народов», в 1969 г., №2 (с. 272-273).

⁴⁰ См. об этом: «Из архива Левона Мкртчяна. Мария Петровых – редактор русских изданий армянской поэзии» // «Вестник Ереванского университета. Русская филология», 2015, №2, с. 34.

⁴¹ В №11 за 1968 г. журнала «Вопросы литературы», в рамках диспута о проблемах художественного перевода опубликовано пространное слово Л. Мкртчяна о критиках переводов армянской поэзии («Мне хочется сказать о критике...», с. 36-39), в котором он, разделяя точку зрения Гребнева на перевод, негативно отзываясь о приверженцах буквального перевода: «Мы должны оценивать переводы и с точки зрения соответствия подлиннику, и с точки зрения того, кому адресованы эти переводы. Это второе условие критика иногда игнорирует. Если говорить об армянской критике, то это условие верности и точности игнорируется почти всегда. Нельзя читателю предлагать плохие стихи, заявляя, что они точно соответствуют тому, что сказано в подлиннике».

⁴² Лев Арутюнов, московский литературовед, занимавшийся армянской литературой.

подстрочник и т.д. Кстати, вот дословное письмецо, которое передала мне в Софии польская поэтесса Анна Каминска накануне своего отъезда в Варшаву: “Дорогой Наум Исаевич! Обязательно буду переводить – или лучше сказать, молиться словами поэта. Ваш перевод дает вкус этой поэзии. Помните обещания передать мне подстрочник!

Всего хорошего! Сегодня уезжаю.

София, 20.9.69 г. Анна Каминска”.

Нарекаци заинтересовал я также и венгров. Но пока я им еще не дал книжки. Я уверен, что после русского перевода “Книгу скорби” переведут везде.

Юбилей Туманяна проходил довольно пышно. Я выступал в университете им. Лумумбы и ЦДЛ. В Большой театр меня не пригласили даже в качестве зрителя. Были какие-то банкеты, но меня туда тоже не звали. Как ты понимаешь, мне на это плевать, особенно если бы я был уверен, что это не означает неодобрения моей деятельности со стороны армянского руководства.

Левончик, умоляю, сделай книгу средневековой лирики. Ее надо как можно быстрее отослать, а то и в 71 году она не выйдет. Да и хочется получить деньги. Если приедешь скоро в Москву, захвати с собой все материалы. Мы здесь перепечатаем и отошлем. Есть ли тираж на Кучака? Велик ли он? На Туманяне продавали книги Кучака и Нарекаци. Они были расхvatаны мгновенно еще в ЦДЛ, так что на следующий день в Большом театре их не было совсем. Я говорил с продавщицами. Хватали и Туманяна. Особенно сказки. Что мы будем делать дальше? Задаю этот вопрос, хоть знаю, что тебе сейчас не до этого и вообще все надоело.

Приезжай, я соскучился.

Попроси, чтоб послали мне какие-нибудь деньги, я еще не получил ничего.

Как поживает Амо? Его стихи обещали дать в “Юности”, “Смене”, “Кругозоре”. Вообще он попал в довольно неудачное время. Все лето меня не было в Москве, и я не мог заниматься его делами, а сейчас армянский лимит во всех изданиях выполнен Туманяном и начинается предъюбилейная пора.

Кажется, все. Целую тебя. Н. Гребнев».

«<18 января 1970 г.>

Дорогой Левон.

Еще раз поздравляю тебя с новым годом. Может, действительно, случится чудо, и он будет для всех счастливым.

Посылаю тебе Нарекаци с правкой.

Левон, умоляю, – напиши предисловие, и давай покончим с этой книжкой. Пусть она, рожденная твоим энтузиазмом, не будет погублена охлаждением⁴³ к ней и ко мне.

---

⁴³ То, что Гребнев называет охлаждением, на самом деле было совершенно не свойственным Мкртчяну спадом темпа работы, спровоцированным как отрицательной реакцией армянской литературной общественности на инициативу Мкртчяна издавать средневековых армянских авторов, так и ее недовольством новыми переводами. Кроме того, именно в этот период Мкртчян готовился к защите докторской диссертации, что также не вызывало

<...> Напиши мне обо всем. И передай привет друзьям. Стихи Амо опубликованы в «Юность» №12. Должны быть в «Кругозоре» №1 и в «Смене» в феврале, если их не смутит то обстоятельство, что книжка уже вышла. Кстати, как стихи Амо, которые я оставил в «Лит. Армении»? Как книжка Амо в Ереване?

Дейчи⁴⁴ говорили мне, что ты должен защищать диссертацию. Где и когда? Напиши. Обнимаю тебя. Н. Гребнев.

Получил ли статью Рассадина⁴⁵? Он послал ее. Как она понравилась и где пойдет? Я пробовал звонить, телефон испорчен».

«<19 мая 1970 г.>

Дорогой Левон!

Мы с Кайсыном ездили по Северному Кавказу, собирали материал для книги северокавказского фольклора. Сейчас мы в Махачкале.

<...> Как твои дела? Как идет работа?

Перед отъездом я говорил по телефону с Вл. Ник. Орловым. Он очень огорчен тем, что ты их подводишь. Сам же Вл. Ник., к великому моему сожалению, хочет из Библиотеки поэта уходить. Я в конце месяца возвращусь.

Целую тебя. Привет всем. Наум».

«3 июня 1970.

Дорогой Левон!

Спасибо за “Прапесню”. Книжка получилась хорошая, хоть немало опечаток, а конец стихотворения “Прялка” почему-то присобачен к “Песне чепальщиц шерсти”.

Левон, история с предисловием к ленинградской книжке меня очень огорчает. Если ты действительно откажешься, это будет ужасно. Все начнется сначала, и кто это сделает? По-моему, гораздо лучше взять тебе соавтором Леву Арутюнова. Я намекнул об этом в разговоре с ним, как понимаю, он согласился бы. Что бы ни было, это надо быстрее кончить.

Анаит Павловна⁴⁶ из “Гослита” послала тебе письмо с предложением быть составителем Кучака, который, как оказалось, у них должен выйти в 1971 г.⁴⁷ Побыстрее ответь ей. Конечно, согласишься. Если надо будет, я переведу айрены дополнительно, но обязательно ответь ей поскорее.

Будь здоров. Я звоню тебе довольно часто, но не застаю тебя.

Привет всем. Н. Гребнев».

восторга у некоторых из «метров» армянского литературоведения, чинивших ему всяческие препятствия.

⁴⁴ Александр Иосифович Дейч, литературный критик, переводчик. Евгения Кузьминична Дейч, жена А. И. Дейча, литературовед.

⁴⁵ Статья Станислава Рассадина «Плюс десять веков» о «Книге скорбных песнопений» (1969 г.) была опубликована на армянском языке в журнале «Гарун» (1970, №9) и в журнале «Литературная Армения» (1970, №10).

⁴⁶ Анаит Павловна Макинцян, заводделом национальных литератур издательства «Художественная литература».

⁴⁷ Составленный Л. Мкртчяном сборник «Наапет Кучак. Лирика. Айрены» с его примечаниями вышел в свет в Москве, в изд-ве «Художественная литература» в 1972 г.

От предисловия к «Армянской средневековой лирике» Левон Мкртчян не отказался и, как видно, сообщил об этом Гребневу, на что тот откликнулся следующим письмом (на конверте таллинский адрес):

«З VIII 70.

Дорогой Левон.

Твое письмо обрадовало меня. К сожалению, в 71 год книга уже опоздала. Что ж, будем ждать 72.

Я очень рад, что М. С. Петровых присвоили армянское звание⁴⁸. Это меня обрадовало почти так же, как если б звание присвоили мне. Я пытался несколько раз позвонить М. С., но что-то телефон ее не отвечает.

350 строк Нарекаци, которые у меня были, я перевел. Он прекрасен.

Я работаю здесь небывало много, и потому жизнь моя счастлива.

Мишка⁴⁹ канючит, хочет в Армению. Очень ему там понравилось. Но наверное в этом году ничего не выйдет. А в будущем и подавно – он будет поступать в институт.

Мне присвоили звание в Дагестане. Как твои дела? Каковы планы? Утвердили ли тебя в ВАКе? Целую тебя. Наум.

Р. С. Как поживает Амо? Почему в «Литармении» нет его стихов? Как его книжка? Как статья Рассадина?».

С весны 1971 года письма Гребнева начинают напоминать отчет:

«<22 апреля 1971 г.>

Дорогой Левончик!

Я получил твоё письмо и вырезку из газеты. Разговаривал с Цуриковой⁵⁰. Книга готова и послана еще на отзыв одному из членов редколлегии, а именно – Кайсыну Кулиеву.

Сейчас Гал. Мих. уехала в отпуск. Потом она будет заниматься таджикской книгой, а где-то в июле – непосредственно нашей⁵¹, чтоб сдать ее в августе. Ал. Пистунова написала рецензию на “Прапесню” и отдала ее в “Дружбу народов”. Там ей сказали, что у них есть несколько писем из Армении с возмущением и готовностью написать отрицательную рецензию. Самим же им книга нравится, но ввиду этой ситуации рецензию они пошлют на отзыв члену их редколлегии С. Ханзадян⁵². Очередные теневые стороны армянской поэзии.

---

⁴⁸ В 1970 г. М. С. Петровых было присвоено звание заслуженного деятеля культуры АрмССР.

⁴⁹ Сын Гребнева, Михаил.

⁵⁰ Галина Михайловна Цурикова, редактор «Библиотеки поэта».

⁵¹ В дальнейшем Цурикову заменила Л. С. Гейро, она и была издательским редактором «Армянской средневековой лирики». До нее книга была отредактирована Марией Петровых (см.: «Из архива Левона Мкртчяна. Мария Петровых – редактор русских изданий армянской поэзии» // «Вестник Ереванского университета. Русская филология», 2015, №2, с. 33-34).

⁵² Серо Ханзадян (1915–1998), армянский писатель, автор фронтовой прозы, впоследствии – исторических романов.

Посылаю тебе болгарскую книжку. Должен сказать, что переводить ее было очень легко. Думаю, что было бы так же легко переводить Нарекаци без рифмы.

Передай привет Амо. Извинений уже передавать не надо, а то получится, как у Чехова.

Как твои диссертационные дела? Лева Арутюнов сказал мне, что, кажется, все будет хорошо. Отзыв из Баку сравнительно благоприятный.

Целую тебя. Н. Гребнев.

Поздравь Сагатела (Арутюняна, в связи с 50-летием. – **К. С.**)».

«<19 мая 1971 г.>

Дорогой Левончик!

Отсылаю тебе содержание. Кажется, все нормально.

Думаю, что М. С. Петровых как рецензент их не устроит, ибо им надо не столько поэт, сколько армянин, который мог бы судить о составе, о соответствии и пр.

Потому поскорей напиши им о Магде (Джанполадян. – **К. С.**) или Арутюнове. Если он к этому времени будет еще в Ереване, не страшно. Он может написать рецензию по твоему экземпляру и в Ереване.

У нас все нормально. Жизнь идет. Как вы? Целуй всех. Н. Гребнев.»

«20 июля 1972 г.

Дорогой Левон!

Я получил твою открытку. Рад, что появилась статья Кайсына⁵³. В Москве пока откликов официальных нет. На черном рынке наша книга стоит 5 р. Всем она нравится, но это знакомым. А что думают незнакомые, не знаю.

Я занимаюсь на модных курсах английским яз. Зачем мне это – неизвестно. С 1 засяду за работу. Хотелось бы к этому времени получить всего Амо. Я сразу же сделаю книгу. Если не получу – то не знаю, когда переведу. Мы живем в Переделкино. Ждем вас. Как ваши квартирные дела? Напиши мне на Москву. Приезжайте. Целую. Н. Гребнев.

20 июля Переделкино».

«<31 мая 1974 г.>

Дорогой Левон.

Спасибо за книгу «Читая Нарекаци»⁵⁴. По-моему, ты сделал ее очень хорошо.

Поздравляю тебя.

Пожалуйста, пришли мне еще несколько экз. или сделай так, чтобы мне послала ее «Книга почтой», куда я одновременно посылаю письмо.

---

⁵³ Рецензия Кайсына Кулиева на сборник «Армянская средневековая лирика» была опубликована на армянском языке в газете «Гракан терт» (1972, 7 июля, №28)

⁵⁴ В 1974 году Л. Мкртчян издал сборник «Читая Нарекаци», куда вошли отклики известных советских поэтов и писателей на книжку «Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Отрывки» (Ер., 1969 г.). Дополненная новыми откликами, на издание 1977 г., «Читая Нарекаци» была переиздана в 1997 г.

Помимо того, ты мне не послал и книгу “Худ. перевод и т.д.”⁵⁵. Ты выезжал в Европу. Я очень ждал твоего звонка. Не для дела, а просто соскучился. Целую тебя. Жду книг».

Два следующих письма не датированы. Но судя по содержанию, написаны они в 1975-76 году, в период подготовки двуязычного издания «Книги скорби»⁵⁶, куда, кроме опубликованных в «Армянской средневековой лирике», вошли еще 25 глав «Книги...» (всего 42 главы).

«<1975-76 г. >

Дорогой Левон!

Посылаю тебе то, что сделал. Кое-что, видимо, нуждается в правке. Зная, что это будет читать Мария Сергеевна, я лишней раз не заглядывал ни в словарь, ни в энциклопедию. Она все знает и так, и мы вместе уточним кое-что... В подстрочнике 41 и 42 главы были перепутаны. То есть то, что, по-моему, должно было быть помечено «42», было помечено «41» и наоборот. Правильно ли я поступил, что исправил это? Сверь с оригиналом.

Очень прошу тебя, напиши Марии Сергеевне, чтобы она дотошно не сличала каждую строку перевода с оригиналом. Это нечто такое, что перевод только ухудшит. Объясни, что, если я что-либо не так понял, ты укажешь на это и мы все исправим. Как я тебе говорил, в некоторых местах получилось больше строк, чем в оригинале. Но, во-первых, строки оригинала значительно длиннее строк перевода (иногда я удивлялся, как может уместиться в одной строке то, что в одной строке подстрочника, м. б., это не так уж точно разбито на строчки?), а во-вторых, то, что читателям оригинала (в то время) было ясно с полуслова, читателю сегодняшнего перевода неясно, и приходится делать распространения.

Получилось, кажется, немного менее 5000 строк со старыми переводами. У меня еще есть неперевержденные четыре главы. Но я думаю, что пока достаточно. <...> Я наверное в первых числах лягу на операцию. Я рад, что сделал Нарекаци до этого. Передай привет всем, целую тебя. Н. Гребнев».

«<1976 год. >

Дорогой Левон.

Посылаю остаток рукописи. Им надо заменить предшествующий вариант этих глав обязательно. Даже если для этого надо будет эти главы перебирать. Впрочем, думаю, что пока еще до набора дело не дошло.

Мария Сергеевна очень выложились на этой редакции. Я думаю, что оплата 10 к. за строку несправедлива по отношению к ее труду. Я готов, чтобы еще столько же было вычтено для нее из моего гонорара. Или же я отдам ей эти деньги сам, когда их получу.

---

⁵⁵ См. «Художественный перевод. Взаимодействие и взаимообогащение литератур». Ер., 1973. В книгу вошла и статья Н. Гребнева «Поэтическая археология».

⁵⁶ Григор Нарекаци. Книга скорби. Оригинал на древнеармянском языке, перевод Н. Гребнева, подстрочные переводы Л. Мкртчяна и М. Дарбинян. Составление, вступительная статья, примечания Л. Мкртчяна. Ер., 1977.

В рукописи есть несколько мест, которые надо уточнить. Они помечены на 2-м экземпляре.

Сообщай мне обо всем, что касается нашей книги.

Я с нетерпением жду ее выхода. Думаю, что это *самая лучшая и значительная работа моей жизни* (курсив мой. – **К. С.**).

Как заказать 100 экз. книги?

Целую тебя и всех. Наум».

«3.ХП.76

Дорогой Левон.

Посылаю тебе рукопись в 2-х экз., до 48 главы. Остальное я думаю получить сегодня у Марии Сергеевны. Если все будет так, как предполагаю, до понедельника постараюсь исправить и отдать машинистке.

Обращаю внимание в гл. 35 на фразу “но пусть все тайное не станет явным”. В этом есть некоторое противоречие с христианством. Но так в подстрочнике. Уточни. Может быть, имеется в виду “тайна исповеди”? Если считаешь, что нужно, чтобы я что-то исправил, напиши, я это сделаю. А пока целую тебя».

«<Декабрь 1976 г.>⁵⁷

Дорогой Левон.

Посылаю остаток рукописи.

Гл. 52, 53, 58 и 60 (они есть только в первом экземпляре) еще не окончены. Через некоторое время пришлю правленный и перепечатанный экземпляр этих глав. Думаю, пока это все будет в редакции и не уйдет в типографию, окончательный вариант этих глав ты уже получишь. Ответь мне, пожалуйста, на вопросы:

1) Готово ли оформление и как оно получилось?

2) Не будет ли книга слишком громоздкой с русским и армянским текстами?

3) Прочла ли Ира Карумян рукопись, и нет ли у нее каких-либо замечаний?

4) Чем вызвана такая спешка?

Я звонил тебе несколько раз, но не дозвонился.

В Москве идет переводческое сборище, но я там не бываю.

Целую тебя.

P. S. Напиши, какое на тебя производит впечатление рукопись теперь – правленная?

Привет всем. Н. Гребнев».

В 1977 году почти одновременно с «Книгой скорби» в Ереване увидел свет составленный Л. Мкртчяном роскошно оформленный двухтомник «Ар-

---

⁵⁷ О том, что письмо написано именно в декабре 1976 г., можно делать предположение, потому что 28 декабря 1976 г. рукопись была сдана в производство. В начале февраля 1977 года Мкртчян получил первые оттиски.

мянская классическая лирика», представлявший собой дополненное новыми переводами переиздание антологии 1972 года «Армянская средневековая лирика». Об этой книге идет речь в следующем письме, не датированном, но позволяющем судить, что оно написано в 1976 году, поскольку в письме Гребнев напоминает о своем возрасте⁵⁸:

«Дорогой Левон,

Посылаю тебе то, что перевел. В песне о Степаносе я позволил себе опустить то печальное обстоятельство, что епископ убил свою мачеху. Нехорошо для епископа, да и что его тогда оплакивать? И потом как это мачеху он убил (мотивы неясны), мать его оплакивает. Непонятны не только семейные отношения, но и вообще многое. Если же все-таки необходимо, чтобы он убил мачеху, что ж, убьем, но будет нехорошо. И это, и то, что отец наказывает сына не за убийство своей жены, а из страха, что сынок убьет и его. Может быть, я чего-то не понял⁵⁹.

Когда-то, когда Миша был маленьким, мы в Коктебеле смотрели греческий фильм “Электра”. И вот там, где Орест убивает Клитемнестру, Миша вдруг громко спросил у меня: “Папочка, это он убил мамочку?” Успех этой реплики у кинозрителей был необычаен.

Как тебе говорил по телефону, я в мае смог бы приехать в Ереван. Поинтригуй насчет Нарекаци. Думаю, что это наш последний шанс, потому что меня осталось ненадолго – мне уже 55 лет.

За грамоту спасибо.

Привет всем твоим, Амо и остальным хорошим людям. Твой Наум.

Напиши, как тебе переводы?»

И, наконец, последнее письмо. Как и два предыдущих, оно не датировано. О том, что письмо написано в конце 1977 года, позволяет судить сообщение Гребнева о юбилее (60-летию) Кайсына Кулиева, который отмечался осенью 1977 года.

«Дорогой Левон!

Очень я хотел приехать в Ереван, но не получилось. Дела помешали существенные – в Налъчике купил машину (за заслуги перед кабардинской и балкарской литературой). Поехал я на ней в Москву, но по дороге бураны и гололед помешали мне. Теперь ты как автомобилист понимаешь меня.

Оставил я машину в Пятигорске до лучших, а точнее, до более теплых времен.

Итак, я перевел еще четыре главы. Три, которые я тогда не сделал, потому что не понял их. И одну, которая есть в книге как подстрочник и не было у меня (69). Посылаю их тебе. Скажи как? На уровне ли прошлых? Пока никуда

---

⁵⁸ Гребнев родился в 1921 году.

⁵⁹ Как видно, Мкртчян принял во внимание замечание Гребнева: ни в одну из составленных им «русских» антологий армянской классической лирики эти стихи не вошли. Тогда как в составленных им же армянских сборниках «Песнь о Степаносе» опубликована за подписью «Аноним Сюнеци, XIV-XV вв.».

их не давай, а есть замечания и соображения – напиши. Мария Сергеевна пребывает в квартирной неврастении⁶⁰. Она получает квартиру несколько далеко от центра (Гропарево), но кв., кажется, хорошая. Получил письмо от М. Дарбинян. Обещает делать подстрочники и посылать мне. Начнет она с глав, которые не переведены.

Праздновали Кайсына в Москве и Ленинграде. Было неплохо, хотя, будь моя на то воля, я сделал бы все по-иному. Но моей воли, слава Богу, нет почти ни на что. Целую тебя и всех твоих.

Приехать в Ереван по-прежнему мечтаю. Может, в марте».

Четыре главы из «Книги скорби», о которых пишет Гребнев (34, 37, 57 и 69), Левон Мкртчян включил в изданную в 1998 году «Книгу скорбных песнопений». К сожалению, Гребневу не довелось перевести весь текст (95 глав): в Армении отрицательно отнеслись к тому, что переводчик зарифмовал свободный стих Нарекаци, и решили полный перевод поручить другому автору. Это не могло не задеть Н. Гребнева, и в 1982 году в одном из писем Магде Джанполадян он писал: «К сожалению, мой роман с Арменией не удался. Я даже не знаю точно, по какой причине. Но любовь эта 7 (+6) лет без взаимности. Впрочем, первое время мне казалось, что любовь была. А потом прошла. Что делать? Выражаясь словами поговорки, «насильно мил не будешь». Конечно, я хотел докончить перевод Нарекаци, но если не получилось, что ж: я свое дело сделал. Может быть, действительно другие сделают это лучше меня. Дай Бог»⁶¹.

О том, как «другие» справились с поставленной перед ними задачей, убедительно рассказано в статье Левона Мкртчяна с красноречивым названием «Не все надежды сбываются»⁶², посвященной переводу Владимира Микушевича⁶³ и в равной мере относящейся к третьему из существующих художественных переводов, переводу Леонида Миля⁶⁴. Не менее красноречиво назвала свою статью, посвященную этим переводам, и Магда Джанполадян: «О переводах, “закрывающих” оригинал»⁶⁵.

---

⁶⁰ «Квартирная неврастения» Петровых благополучно завершилась получением ею квартиры в писательском доме. Не исключается, что определенную роль в этом деле сыграло ходатайство Левона Мкртчяна. В его архиве сохранился второй экземпляр официального обращения к первому секретарю правления СП СССР Г. М. Маркову: «20 декабря 1977 г. Дорогой Георгий Мокеевич! Секретариат правления Союза писателей Армении просит Вас оказать содействие русскому поэту, переводчику М. С. Петровых в получении квартиры в Московском писательском доме. М. С. Петровых многие годы плодотворно работает в литературе. Ее переводы со славянских языков и языков народов СССР широко известны. За заслуги в деле пропаганды армянской поэзии она удостоена высокого звания заслуженного деятеля культуры Армении. В Армении ее имя окружено любовью и уважением. Еще раз просим Вас помочь нашему большому другу – русскому поэту М. С. Петровых. Второй секретарь правления СП Армении Л. М. Мкртчян».

⁶¹ См. **Джанполадян М.** «Книга скорби» Нарекаци в русских переводах и критике. Ер., 2012, с. 59.

⁶² В кн.: **Мкртчян Л.** Если бы в Вавилоне были переводчики. Ер., 1987, с. 389-407.

⁶³ Перевод Вл. Микушевича был издан в 1985 г. в Москве, в изд-ве «Художественная литература».

⁶⁴ Перевод Л. Миля увидел свет в Ереване, в изд-ве «Советакан грох» в 1984 г.

⁶⁵ В кн.: **Джанполадян М.** Когда строку диктует чувство.... Ер., 2005, с. 155-177.

Переводом, не «закрывающим» оригинал, стал изданный в 1988 году в академическом издательстве «Наука» профессионально выполненный сотрудниками Матенадарана

Левон Мкртчян писал: «Русский Нарекаци был, по существу, открыт Гребневым <...> Переводы из того или иного поэта достигают своей цели, когда об этом поэте появляется литература, когда не только читают поэта в переводах, но и пишут о нем, интересуются им. И с этой точки зрения работа Наума Гребнева и, пожалуй, Марии Петровых, которая была взыскательным и добрым редактором переводов Гребнева из Нарекаци, заслуживает высокой оценки»⁶⁶.

Из восторженных откликов на гребневский перевод «Книги скорби» Левон Мкртчян составил дважды издававшуюся (в 1974 и в 1997 годах) книгу «Читая Нарекаци».

Что же касается Гребнева – переводчика не только Нарекаци, но и других армянских поэтов, в том числе современников, то время показало, что Гребнев принадлежит к числу лучших соавторов (а хороший перевод – это еще и соавторство) переводимых им армянских поэтов. И настоящие поэты по достоинству оценили это. Как по достоинству оценил талант Гребнева такой взыскательный поэт, как Амо Сагиян. Подтверждение тому – сохранившийся в архиве Левона Мкртчяна машинописный экземпляр переведенного им на русский язык небольшого слова, написанного Амо Сагияном в связи с 50-летием Гребнева (в 1971 году):

«Для меня Наум Гребнев прежде всего – поэт. Он очень талантлив, щедр и артистичен. И потому, что он поэт, он – первоклассный переводчик. Переводами Гребнева зачитываются. Он открыл русскому читателю Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, песенное творчество народов Средней Азии и Северного Кавказа, армянских поэтов...

Нельзя без волнения читать его переводы из Григора Нарекаци и Наапета Кучака. Гребнев работает много и плодотворно. Я благодарен ему за его переводные книги, благодарен за переводы моих стихов.

Известный русский поэт и переводчик китайской классики Александр Гитович писал: «Единственное влияние, которое я испытал в переводах – в самом начале работы (четверостишия Ли Бо), переводы Гребнева (Расул Гамзатов). Русский читатель с благодарностью и с восхищением должен подумать о переводах Гребнева. Об их вдохновенной энергии и той соразмерности и такте, которые присущи лишь крупным мастерам перевода».

Эти хорошие, точные слова о Гребневе – поэте и переводчике мне вспомнились еще и потому, что, к сожалению, у нас в Ереване некоторые литераторы не смогли по-настоящему оценить гребневские переводы. Точность они отождествляли с буквализмом, тогда как Гребнев творчески верен ориги-

---

М. Дарбинян и Л. Ханларян подстрочный перевод всей «Книги скорбных песнопений». Но издание подстрочного перевода, как писал Л. Мкртчян «было необходимо для ученых и для тех, кто будет переводить “Книгу...” Нарекаци с русского подстрочника. Например, Иван Драч перевел “Книгу...” на украинский по русскому подстрочнику. Что касается новых художественных переводов, то наши надежды на то, что они окажутся лучше гребневского, на мой, взгляд, не оправдались. И определенную долю ответственности за это несу я, так как был в числе тех, кто привлекал Миля и Микушевича к работе над новыми переводами Нарекаци». –**Мкртчян Л.** «Пусть рассказана будет людям всех племен...» // Читая Нарекаци. Отклики на русские переводы «Книги скорбных песнопений». Ер., 1997, с. 10.

⁶⁶ Мкртчян Л. Если бы в Вавилоне были переводчики, с.391.

налу. Если даже он в чем и согрешит, то сразу видишь, что это “грехи” поэта. Переводит Гребнев – значит, поэт переводит поэта. А это очень важно, это, может быть, единственный путь передать на другом языке непередаваемое – поэзию.

О переводчике можно сказать стихами Григора Нарекаци:

Невидим ты, но все, что видим мы,
Померкло бы без твоего участия.
(Пер. Н. Гребнева)

Переводчик невидим, невидима его работа, но многое из того, что мы читаем и видим, существует в сокровищницах национальных культур благодаря невидимой и подвижнической работе переводчика. Гребневу исполнилось 50 лет, он многое сделал, многое ему еще предстоит сделать. Читатель ждет переводов Гребнева».

Читатель действительно ждал переводов Гребнева и в первую очередь – перевода всех 95 глав «Книги скорби». Увы, ему не суждено было дожидаться. Как писал Левон Мкртчян: «Перевод Гребнева то хвалили, а то и поругивали: у Нарекаци нет рифмы, тогда как у Гребнева крепкий рифмованный стих. И те, кому перевод не нравился, рассуждали примерно следующим образом: если этот рифмованный перевод воспринят русским читателем так горячо, то как же будет воспринят перевод нерифмованный, адекватный по форме оригиналу. Сам я никогда так не думал. От добра добра не ищут. Но вместе с тем я всегда считал, что одно и то же произведение может быть переведено на тот или иной язык многократно. Особенно, если это великое произведение, великий оригинал»⁶⁷. И хотя этот великий оригинал был переведен и другими переводчиками, в сокровищнице русской культуры вот уже полвека он существует «благодаря невидимой и подвижнической работе» Наума Гребнева.

Ключевые слова: армянская поэзия, перевод, Кучак, Нарекаци

ԿԱՐԻՆԵ ՍԱՀԱԿՅԱՆՑ – Լևոն Մկրտչյանի արխիվից. Նաում Գրեբնևի նամակները Լ. Մկրտչյանին – Հայ միջնադարյան պոեզիան, հատկապես Գրիգոր Նարեկացու «Սատյանը» ռուսերեն թարգմանելու և հրատարակելու գործը առանձնահատուկ տեղ է գրավել ակադեմիկոս Լևոն Մկրտչյանի գործունեության դաշտում: Իր մի շարք նախաձեռնությունների իրականացմանը Լ. Մկրտչյանը 1960-ականներից ներգրավել է ռուսական թարգմանչական արվեստի ճանաչված վարպետներից մեկին՝ Նաում Գրեբնևին: Հրապարակվող նամակները վկայում են այն ջանադիր աշխատանքի մասին, որի շնորհիվ լույս տեսան և բարձր գնահատվեցին հայ միջնադարյան պոետների, հատկապես Քուչակի, Նարեկացու ռուսերեն հրատարակությունները:

Բանալի բառեր – հայ միջնադարյան պոեզիա, թարգմանություն, Քուչակ, Նարեկացի

⁶⁷ Լ. Մկրտչյան. Если бы в Вавилоне были переводчики, с. 391.

KARINE SAHAKYANTS – *From the Archives of Levon Mkrtchyan: Naum Grebnev’s Letters to Levon Mkrtchyan.* – Undertaking the translation and publication of Armenian medieval poetry, especially “Book of Lamentations” by Grigor Narekatsi had a special place within the scope of academician Levon Mkrtchyan’s activity. Since 1960-s Levon Mkrtchyan initiated the realization of a number of activities involving Naum Grebnev – a well-known expert in the art of translation. The published letters are evidence of the efforts owing to which the works of Armenian medieval poets, especially Kuchak, Narekatsi, were published in Russian and highly appreciated.

Key words: *Armenian poetry, translation, Kuchak, Narekatsi*